

ЕЛЕНА ГОВОР

СТРАНИЦЫ РУССКОЙ АВСТРАЛИИ

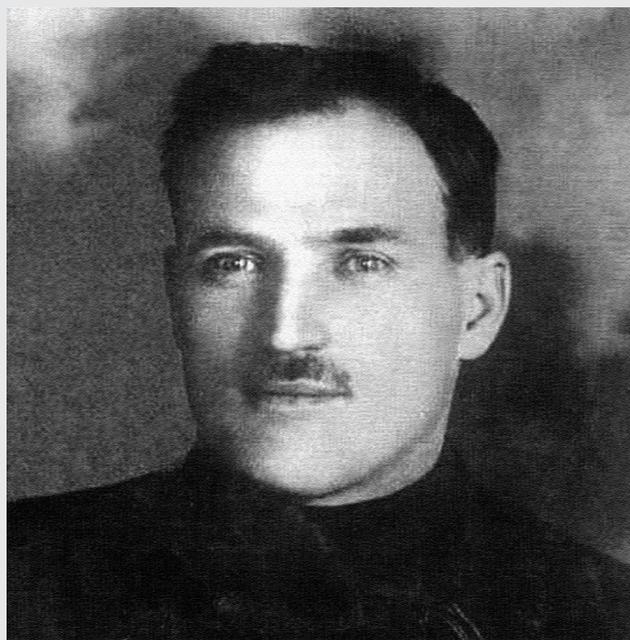
ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

В ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ, КОГДА ПОСТ-перестроечная Россия открыла для себя богатства «белой» эмиграции, дореволюционная российская эмиграция оказалась не в чести. Да, впрочем, ей и всегда не везло. Для «белой» эмиграции эти их земляки-предшественники были однозначно «красными», а значит политическими противниками, с которыми не имело смысла искать общие точки соприкосновения. Для советских историков, напротив — всё, что было «красным», шло на ура. Но тут была своя сложность — «красное» должно было быть только определённого оттенка, марксистско-ленинского, большевистского, а не просто революционного. Меньшевики, эсеры, анархисты, кадеты, не говоря уж об обычных переселенцах, далёких от политики, оказывались за пределами дозволенной истории. В лучшем случае, последних можно было засунуть в ячейку «трудовой эмиграции» и упомянуть об их тяжёлой доле на чужбине и стремлении вернуться на родину. Но и возвращение на родину создавало подводные камни в советской исторической науке, ведь многие среди этих «возвращенцев» закончили свой путь в сталинских застенках и лагерях, превратившись в оруэлловских «нелиц». Так и получилось, что богатейшая история ранней русской эмиграции в Австралии была сведена, в основном, к одной яркой личности — большевику-ленинцу Артёму (Федору Сергееву), который, вернувшись на родину, погиб при крушении поезда в 1921 году, избежав тем самым клейма «врага народа» и сталинской мясорубки. Австралийских историков, напротив, интересовали все оттенки красного, но, всё-таки, именно красного — то есть радикалы всех мастей, вовлечённые в политическую борьбу. Это и понятно — ведь

о них в изобилии сохранились документы и в австралийских, и в русских архивах, и они прекрасно вписываются в стереотипный образ России 1917 года — политизированной и революционной.

Так и получилось, что дореволюционная российская эмиграция, так толком и не осмысленная и не исследованная, стала нынче немодной. Проявляется это даже в терминологии — в истории изучения эмиграции утвердилось представление о том, что первым глобальным исходом из России стала белая эмиграция, или эмиграция первой волны. Конечно, по культурному потенциалу ей нет равных, это была элита русского общества, потерявшая свою страну. Однако, как это ни парадоксально, по численности предшествующий исход из царской России был гораздо многочисленнее, чем эта

Артём (Федор Сергеев)

«первая волна». И если в мировом масштабе счёт численности этих волн идёт на миллионы (около 4,5 миллионов до революции, около 2 миллионов в результате революции), то в масштабах Австралии счёт идет на тысячи, примерно в тех же пропорциях — свыше 5-ти тысяч до революции, около 3-х тысяч между Первой и Второй мировыми войнами.

Знакомство с этой ранней эмиграцией, для которой не нашлось места в хронологии эмиграционных волн, может оказаться не менее интересным, чем изучение последующих волн. Ведь каждая волна уносила с собой свою Россию, но если «первая волна» унесла с собой элитную городскую Россию, то дореволюционная была по существу срезом всех социальных слоёв царской России, её противоречивых умонастроений и представлений о себе и о мире. В ней, как в капле воды, предстаёт «Россия, которую мы потеряли» во всём своём многообразии. Через эту эмиграцию мы можем узнать не только о России, но и проследить на её примере процесс иммиграции, вrastания наших соотечественников в новое общество. Об этих процессах и будет наш рассказ в серии очерков, подготовленных автором для журнала «Австралийская мозаика».

Но прежде добавим ещё одно пояснение относительно терминологии «российский» и «русский». В английском языке слово Russian использовалось и всё ещё используется для обоих этих этнонимов¹. Русская традиция позволяет также использовать русский применительно к стране, её культуре и политике, — русский дипломат, русский балет, — даже в тех случаях, когда этническое происхождение человека может быть и нерусским. Аналогично мы используем термины немецкий, французский, австралийский. Говоря о русской эмиграции, мы будем придерживаться той же традиции — «русский» будет служить синонимом канцеляристского «российский», и включать в себя лиц различного этнического происхождения (а ведь мы почти все такие, если покопаться в нашей генеалогии!), которые ассоциировали себя со страной исхода, с русским языком и культурой. Конечно, в тех случаях, когда это уместно и известно, мы будем упоминать и их этническое происхождение.

РУССКИЙ СИДНЕЙ — У ИСТОКОВ

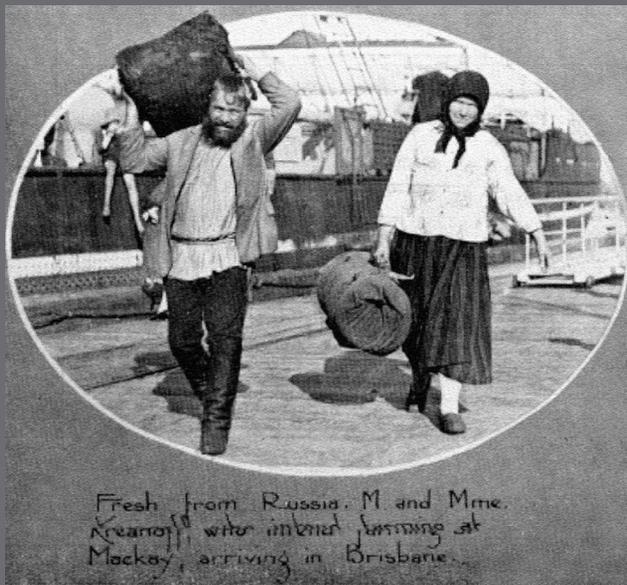
ИТАК, СЕГОДНЯ МЫ НАЧИНАЕМ НАШЕ ПЕРВОЕ путешествие в историю русской Австралии. И отправляемся мы

¹ Этнонимы (от греч. ἔθνος — племя, народ и ὄνομα — имя, название) — названия наций, народов, народностей, племён, племенных союзов, родов и тому подобное. (Википедия)

не в Брисбен, с которого начинаются все истории русской эмиграции в Австралии, а в Сидней. Почему Брисбену обычно уделялось такое внимание, понятно — там был «большевик Артём», там был Союз русских/российских эмигрантов, там издавались русские газеты. Документация богатая! А вот по другим регионам, будь то Сидней или Порт-Пири, Дарвин или Мельбурн, русская жизнь в которых была не менее интересна, информацию приходится собирать по крупицам, и неудивительно, что они до сих пор остаются «за кадром» большинства исторических работ.

Именно так, по крупицам, мы попытались восстановить историю русской общины Сиднея, создавшей там в 1909 году первую русскую общественную организацию в Австралии. Путеводной нитью для поиска источников стал поиск имён членов этого раннего сообщества на основе первичных архивных документов — пассажирских списков, документов о натурализации и регистрации ненатурализованных россиян в годы Первой мировой войны, а также материалов из газет — и оцифрованных австралийских, и русских, издававшихся в Брисбене и в России. Эта база данных, в свою очередь, привела нас к материалам личного характера, хранящимся в архивах России и в семейных собраниях, которые помогают услышать голоса самих эмигрантов.

Сидней, старейший и крупнейший город Австралии, был и первым центром российской эмиграции на этом континенте. Русская история его богата — здесь и россияне, попавшие в Австралию в качестве английских ссыльных, и русские моряки, сбежавшие с русских или с иностранных кораблей, и евреи, покидавшие Российскую империю после погромов, и первые иммигранты-предприниматели. К 1911 году численность уроженцев России в Новом Южном Уэльсе составляла 1536 человек или треть всех россиян, проживавших в Австралийском Союзе. Русские — по этническому происхождению и/или по культуре — первоначально составляли в ней незначительный процент, но в середине первого десятилетия XX века ситуация начала быстро меняться: из Российской империи, и прежде всего с её дальневосточных окраин, в Австралию начал двигаться поток эмигрантов. Среди катализаторов, способствовавших исходу россиян в Австралию, были Русско-японская война, революция 1905–1907 годов, наличие значительного населения на Дальнем Востоке России, стремящегося к переселению. Первоначально это были политэмигранты, бывшие военнопленные Русско-японской войны, лица, уклоняющиеся от воинской повинности, и просто люди, недовольные по тем или иным причинам существующим режимом.

Fresh from Russia, M and Mme. Krenoff, with interior baggage at Mackay, arriving in Brisbane.

INWARD.					
A List of the Crew and Passengers arrived in the Ship YAWATA MARU, from Japan, 1st July 1908.					
Name	Age	Place of Birth	Rank	Profession	Remarks
A. O. Bekie	36	England	Chief Officer	Mr. J. Clark	British
J. Yamato	26	Japan	3rd	Mr. J. M. Campbell	British
M. Yamamoto	25		4th	Mr. J. M. Campbell	
M. Yamamoto	25		5th	Mr. J. M. Campbell	
M. Yamamoto	25		6th	Mr. J. M. Campbell	
M. Yamamoto	25		7th	Mr. J. M. Campbell	
M. Yamamoto	25		8th	Mr. J. M. Campbell	
M. Yamamoto	25		9th	Mr. J. M. Campbell	
M. Yamamoto	25		10th	Mr. J. M. Campbell	
M. Yamamoto	25		11th	Mr. J. M. Campbell	
M. Yamamoto	25		12th	Mr. J. M. Campbell	
M. Yamamoto	25		13th	Mr. J. M. Campbell	
M. Yamamoto	25		14th	Mr. J. M. Campbell	
M. Yamamoto	25		15th	Mr. J. M. Campbell	
M. Yamamoto	25		16th	Mr. J. M. Campbell	
M. Yamamoto	25		17th	Mr. J. M. Campbell	
M. Yamamoto	25		18th	Mr. J. M. Campbell	
M. Yamamoto	25		19th	Mr. J. M. Campbell	
M. Yamamoto	25		20th	Mr. J. M. Campbell	
M. Yamamoto	25		21st	Mr. J. M. Campbell	
M. Yamamoto	25		22nd	Mr. J. M. Campbell	
M. Yamamoto	25		23rd	Mr. J. M. Campbell	
M. Yamamoto	25		24th	Mr. J. M. Campbell	
M. Yamamoto	25		25th	Mr. J. M. Campbell	
M. Yamamoto	25		26th	Mr. J. M. Campbell	
M. Yamamoto	25		27th	Mr. J. M. Campbell	
M. Yamamoto	25		28th	Mr. J. M. Campbell	
M. Yamamoto	25		29th	Mr. J. M. Campbell	
M. Yamamoto	25		30th	Mr. J. M. Campbell	
M. Yamamoto	25		31st	Mr. J. M. Campbell	
M. Yamamoto	25		32nd	Mr. J. M. Campbell	
M. Yamamoto	25		33rd	Mr. J. M. Campbell	
M. Yamamoto	25		34th	Mr. J. M. Campbell	
M. Yamamoto	25		35th	Mr. J. M. Campbell	
M. Yamamoto	25		36th	Mr. J. M. Campbell	
M. Yamamoto	25		37th	Mr. J. M. Campbell	
M. Yamamoto	25		38th	Mr. J. M. Campbell	
M. Yamamoto	25		39th	Mr. J. M. Campbell	
M. Yamamoto	25		40th	Mr. J. M. Campbell	
M. Yamamoto	25		41st	Mr. J. M. Campbell	
M. Yamamoto	25		42nd	Mr. J. M. Campbell	
M. Yamamoto	25		43rd	Mr. J. M. Campbell	
M. Yamamoto	25		44th	Mr. J. M. Campbell	
M. Yamamoto	25		45th	Mr. J. M. Campbell	
M. Yamamoto	25		46th	Mr. J. M. Campbell	
M. Yamamoto	25		47th	Mr. J. M. Campbell	
M. Yamamoto	25		48th	Mr. J. M. Campbell	
M. Yamamoto	25		49th	Mr. J. M. Campbell	
M. Yamamoto	25		50th	Mr. J. M. Campbell	

Первая группа русских из этой новой волны прибыла в Сидней в ноябре 1906 года. Павел Сергеевич Нестеренко, уроженец Владикавказа, писал о ней в редакцию эмигрантской газеты «Воля», издававшейся народовольцем Борисом Дмитриевичем Оржихом в Нагасаки: «Мы пять человек прибыли русские с Владивостока в Австралию 2 повара, 1 столяр, 1 обойщик. Все они скоро могли найти работу, хотя и не могли говорить. Но [я] не мог потому что я не имел профессии». Эту группу удалось найти в пассажирских списках — они прибыли в Сидней 16 ноября 1906 года на корабле «Эмпайр». Кроме Нестеренко в группу входил столяр Фёдор Фомичев, а также Денис и Пётр Клешенко и Р. Пордер. По сведениям того же Нестеренко, к началу 1908 г. «нас здесь в гор. Сиднее всего 10 человек русских». Старейшим среди них был портной Станислав Урняж польско-литовского происхождения, прибывший в Сидней из Порт-Артура ещё в 1904 г.; противник царизма, он стал главным связным с политическими эмигрантами в Нагасаки. Вслед за группой Нестеренко в Сидней прибыл и политэмигрант Николай Яковлевич Важник из Беларуси, член РСДРП с 1904 г., уже побывавший в царских тюрьмах, по профессии — столяр. Очевидно, что членов этой небольшой группы связывало не только землячество, но и общие политические взгляды: они выписывали из Нагасаки книги и газету «Воля» эсеровского направления; в одном из писем Оржиху Нестеренко писал: «Мы сделаем сбор в пользу вашей типографии».

В середине 1908 г. с Дальнего Востока в Сидней прибыло несколько групп эмигрантов-интеллигентов. Так, в конце мая австралийские газеты с интересом писали о группе молодых русских, которые добрались в Сидней из Владивостока, отработав стоимость проезда кочегарами и матросами. Надо отметить, что поскольку они не были ни членами команды корабля, ни пассажирами, в Австралию они въехали без какого-либо учёта со стороны иммиграционных властей. Из газет известно, что в их группу входили студент университета Константинов, пианист, портретист, маляр, слесарь, виноградарь и 16-летний юноша по фамилии Ратзул — сын военного, не желающий служить в армии.

Сверху вниз:

Русские эмигранты сходят с корабля в Брисбене. 1912 г.

Список пассажиров судна «Yawata Maru», прибывшего в 1907–08 гг в Австралию из Японии, среди которых были и русские. Здание торгового центра («Queen Victoria building») в 1900 г. в Сиднее

RUSSIANS IN SYDNEY.

MEN FOR THE LAND.

"WOULD NOT STEAL THE POPE'S JOB."

Nine Russians, who worked their passage from Vladivostock on the steamer Hornsby Grange, arrived in Sydney on Saturday last, and have decided to make their homes in this State.

They are all young men, willing to work, and ready to leave the city to expend their energies in agricultural or other walks of life. They include an experienced farm hand, a house painter, a pianist, a portrait painter and sign-writer, an engineering machinist, and a viticulturist, etc. A youth of 16, named Ratzul, is the son of an officer in the Russian army, but, he explains, he objects to learn a "trade" which will result in his being killed or being ordered by others to kill somebody else.

They are a fine set of men, and as money is running short, they are anxious to find employment. This they have found rather difficult, in view of the fact that they are unable to speak English.

Статья в газете "Sydney Morning Herald" под заголовком «Русские в Сиднее» — о девяти молодых русских, которые добрались в Сидней из Владивостока

В июле 1908 г. из Японии прибыли ещё две группы эмигрантов-интеллигентов. В первую входили лейтенант военно-морского флота Михаил Михайлович Домерщиков, участник Русско-японской войны, замешанный в революционных событиях во Владивостоке и работавший наборщиком в типографии «Воли» в Нагасаки, семья музыкантов-исполнителей Яси(о)новских с дочкой и захваченный ими по дороге в Маниле литератор Иван Николаевич Антонов, писавший под псевдонимом «Изгнанник». Австралийский иммиграционный контроль в то время был настолько слаб, что Антонов, не имевший паспорта, при посадке на корабль назвался просто Изгнанником, а чиновник так и внёс его в список пассажиров под именем Mr. Y. Sgnunik. Во второй группе был политемигрант Михаил Яковлевич Михайлов, использовавший фамилию Краузе, тоже работавший в «Воле», семья Подпах с четырьмя детьми и предприниматель Николай Александров.

В масштабе Австралии это был мощный культурно-политический десант, и, действительно, члены этого авангарда русской эмиграции в Австралии написали десятки писем, очерков, рассказов, стихов, воспоминаний о своём австралийском опыте,

однако весь этот материал почти полностью оказался вне поля зрения исследователей. Объясняется это тем, что, с одной стороны, участники этой группы ассоциировались с эсеровской «Волей», а с другой — тем, что их публикации были разбросаны по страницам русских газет и не были выявлены. Между тем, уже при заходе корабля в Брисбен, Леонтий Павлович Подпах, редактор и издатель «Владивостокского листка», который был вовлечён в революционные события во Владивостоке и, эмигрировав в Японию, продолжал заниматься издательской деятельностью, сообщал местным газетчикам, что он «корреспондент двух газет, одной в Сибири, а другой в Центральной России, в которые он собирается посылать серию статей об Австралии».

На протяжении последующих месяцев в Сидней приехало ещё несколько эмигрантов из Японии, связанных с «Волей», а в ноябре 1908 г. к ним присоединился Виктор Константинович Курнатовский — социал-демократ с большим стажем, прошедший тюрьмы и ссылки, организатор Читинской республики, побывавший на волосок от смертной казни во время карательных экспедиций Павла Ренненкампа; в Австралию он въехал под фамилией Авдаков. В начале 1909 г. в Сидней прибыл

Виктор Константинович Курнатовский

Народовец Борис Дмитриевич Оржих, редактор эмигрантской газеты «Воля», издававшейся в Нагасаки.

Всеволод Чистохин, участник Читинской республики, также приговорённый к смертной казни и бежавший из Акатуя, знакомый с Курнатовским. В Австралии Всеволод взял фамилию Судаков — под этой фамилией здесь уже жил его брат Семён, приехавший в марте 1908 г. На протяжении 1909 г. русская колония продолжала расти за счет прибытия новых иммигрантов с Дальнего Востока и, в отдельных случаях, из Европы и Америки.

Эти ранние эмигранты, и особенно нагасакицы, поддерживали тесный контакт между собой. Ясиновские, Изгнанник и Домерщиков на первых порах поселились вместе. Впоследствии Домерщиков делил жильё с Курнатовским. Изгнанник упоминает сиднейский «руссофицированный бар», который «сделался постоянным местом отдыха» его соотечественников после того, как там, по их просьбе, установили столы и стулья. Михайлов, как некогда в Нагасаки, проводил часы в прогулках по Сиднею с Курнатовским. И, конечно, летели письма и в Японию — Оржиху, и в русские газеты, и землякам-иммигрантам, которые начинали прибывать в Брисбен и Мельбурн.

... Какой же предстала Австралия перед этой группой социалистов, которым довелось проверить

Сиднейские извозчики сидят на низкой каменной стенке, болтая и попыхивая трубками...

на себе победоносно шествующую по страницам печати легенду об Австралии — земле свободы, стране успешного социального эксперимента, рабочем царстве?

Завоевания австралийского рабочего класса — 8-часовой рабочий день, высокая заработная плата, трудовое законодательство, профсоюзная защита, слава о которых шла по всему миру, на практике разочаровали русских. «Австралия в этом отношении хуже Америки. Там набрасываются на эмигранта, как на предмет эксплуатации; здесь рабочее законодательство больше ограничивает эксплуатацию — и иммигрант теряет для предпринимателя в значительной степени всякую привлекательность», — писал Курнатовский. Михайлов отмечал, что труд высоко оплачивается «только среди организованных рабочих. Там же, где организация затруднительна или невозможна, там эксплуатируют, сколько влезет, а в особенности иностранцев, не владеющих языком». То же самое обнаружил и Нестеренко: в то время как «англичанин не захочет вас эксплуатировать [и] не примет на работу», «можно найти работу очень скоро у греков посудником или полы мыть. Приходится очень много работать и за небольшую цену 20 [и] ен в месяц». «Единственный исход русского человека, не умеющего говорить по-английски, это есть греки, — заключал он. — Но я не хотел дать себя в эксплуатацию, и потому я не работал 5 месяцев».

Наряду с отвращением к эксплуатации в целом, неприятным сюрпризом для наших социалистов была и законная интенсификация труда. «Физический труд здесь далеко не так как в России [...], — писал Михайлов. — Разговоры и курение на работе влекут за собой отказ от неё, а если вы

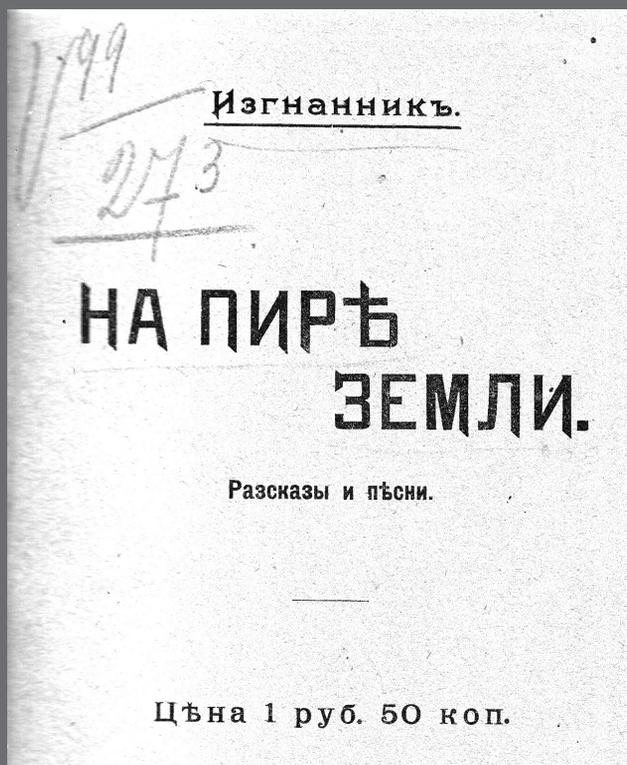
РУССКИЕ В АВСТРАЛИИ

пойдёте „выделять продукты обмена веществ», то услышите, что на это нужно тратить своё, а не рабочее время. Раз вы принялись работать, то должны работать без всяких перерывов до конца времени». Об этом же Курнатовский, после года сиднейской жизни, напишет так: «В Сиднее мне надоело работать в разных sviting indistoris [sweating industries] (потогонных индустриях)».

Русским социалистам, людям с убеждениями, трудно было найти работу или удержаться на ней и по моральным причинам. И если в письме Нестеренко эта непримиримость звучит почти пародийно, то в случае с Курнатовским этот моральный экстремизм в конечном итоге, как мы увидим дальше, привёл к трагедии. Михайлов оставил несколько зарисовок твёрдых моральных позиций своего товарища. «Встретив одного из русских эмигрантов и слушая его рассказ о каторжных условиях труда,— вспоминал Михайлов,— я необдуманно сказал: „Ну, уж лучше идти воровать, чем на такую работу“. За эту фразу я получил такую головомойку от В. К., что до новых веников не забуду своего пустословия». Другой случай был связан с работой на фабрике «русского поляка» Джозефа Эплера. Эплер, «аналитический и промышленный химик», занимался выработкой экстрактов для пищевой промышленности. Михайлов писал о нём иронично: «Этот Эплер, вообразивший себя почему-то химиком, производил опыт над производством желатина, причем основой в последнем были вытяжки желёз молодых барашков». К нему на первых порах и устроили работать В. К. Курнатовского, который окончил Политехнический институт в Цюрихе как инженер-химик, «для производства опытов». «На другой же день работы,— вспоминал Михайлов,— В. К. заявил мне, что с Эплером он работать не может, что изготовляемый по его методу желатин — столярный клей, а спермин — отравя. Это же затем буквально В. К. сказал и Эплеру. Последний вспыл, В. К. тоже, произошёл взаимный обмен „комплиментами“ и В. К. бросил работу».

Другой случай был связан с моральной нечистоплотностью предпринимателя Николая Александровича Александрова, который прибыл в Сидней вместе с Михайловым, за несколько месяцев до приезда Курнатовского. Эту конфронтацию

Сверху вниз:
Простой люд, ютившийся в сиднейском районе Рокс (Rocks). Фото 1901 г.
Типичный уголок Сиднея в районе Редферн в начале 1900-х годов
Обложка книги Изгнанника

Михайлов подробно описал в своих воспоминаниях о Курнатовском:

«Между прочим, В.К. пришлось работать по уходу за свиньями у некоего, проживавшего под фамилией Александрова, хозяина предприятия по разведению свиней. И преотвратительнейший же был тип этот Александров! В Австралию я с ним ехал на одном пароходе и великолепно его изучил за месяц совместного путешествия. Он, располагавший несомненно достаточными средствами, благодаря своей скаредности, ехал в IV классе с неграми, малайцами и прочей совершенно некультурной публикой, причем в IV классе пассажиры ехали на своём продовольствии. По его рассказам он был сверхсрочным фельдфебелем, т.е. тем, что на солдатском языке называлось „казенной шкурой“, и одновременно занимался мясным делом. Накопивши достаточную, по его мнению, сумму денег, он решил поехать в Австралию попытать счастья. Вот у этого-то типа и пришлось работать В.К. но, правда, непродолжительное время. По рассказу В.К. вот как они расстались:

„Ферма Александрова была на некотором расстоянии от Сиднея — на каком именно — не помню. Однажды, за общим с В.К. ужином, Александров начал рассказывать о былом житье:

‘Была у меня, между прочим, мясная лавочка. Заборщиками были главным образом шахтёры и забирали в кредит по книжкам. Приходит лавочка, шахтерам платить или совсем нечем, или, ежели платят, то не сполна. Я их не обижал и с ними не спорил, а был у меня один знакомый околоточный надзиратель. Ну, вот я ему и передавал неплаченные книжки, и он каким-то образом через шахтную контору ухитрялся получать деньги. Должно быть, из полочки удерживали. Конечно, мне приходилось давать ему небольшую благодарность, какие-то там пустяки.’

Не стерпело ретивое В.К., когда он увидел, какую отвратительную гниду, вскормленную потом и кровью рабочих, он имел своим хозяином и собеседником. Поднялся, размахнулся и, угостив паразита солидной пощёчиной, ушёл без расчёта ночью пешком в Сидней опять на голод или на изнуряющий тяжёлый труд.”»

Письма этих первых эмигрантов полны рассказами о поисках работы, причем большинству из них, несмотря на образование, пришлось заниматься тяжёлым физическим трудом. Курнатовский так подводил итоги своего первого года австралийской жизни: «В Сиднее все мои попытки „устроиться“ потерпели неудачу. Пришлось взяться за амплу рабочего, притом низшего сорта, так как я не знаю никакого ремесла. Был рабочим на фабрике, кухонным мужиком... Перепробовал

ещё многое». Лейтенант Домерщиков начинал свой путь, по рассказу Марии Ясиновской, «на фабрике конфет, работал много и весь был в нарывах от грязи, приходилось мыть полы, столы, таскать мешки, получал 17 ½ [шиллинга] в неделю. Теперь же работает у нашего знакомого здешнего химика и фабриканта экстрактов, спермина и т.д. — поляка Еплера... Получает 25 шиллингов в неделю». Курнатовский, которого Домерщиков устроил на ту же фабрику, восхищался стойкостью земляка: «Несмотря на то, что он был белоручкой [...], он оказался молодцом, работает в одной рубашке с засученными рукавами, в фартуке, как простой рабочий. Но только здорово устаёт, так что после работы никуда не ходит». «Бывший лейтенант похудел и плохо выглядит, ему не по силам такой труд, да и общество неподходящее для него, — мне очень его жаль», — спустя три месяца пишет Ясиновская. Не лучше были дела и у Михайлова (Краузе): «Я пока тоже мыкаюсь кое-как, и работать приходилось только с русскими, что особенно скверно отзывается на изучении языка», — писал он. Курнатовский отмечал, что «Краузе ходит без работы, имеет случайную — починает иногда швейные машины и т.п., заработает несколько шиллингов, а там опять ни черта».

Иммигранты в один голос писали, что в Австралии могут прежде всего устроиться люди, способные заниматься физическим трудом: «Молодой, здоровый народ, в особенности мастеровые, — всегда могут рассчитывать на заработок, интеллигентам же устроиться значительно труднее», — было первое впечатление Курнатовского. Он же писал об условиях для тех, кто хотел взять земельный надел: «Правительство делает здесь очень много для переселенцев-земледельцев, начиная с льготной сдачи земли, снабжением жилым домом, скотом etc., но это относится к природным англичанам. А иностранцы получают право на эти льготы лишь после 12 месяцев пребывания. [...] Вообще людям с небольшим капиталом и способным к самостоятельной физической работе здесь легко устроиться на земле». Домерщиков, комментируя иммиграцию ещё одного нагасакца, Ивана Кларка (семья которого заслуживает отдельного рассказа), писал: «Воображаю, что будет с Иваном Кларком, когда ему придётся взяться за тяжёлый труд и снять манжеты, которые он носит вместо воротничков. Придётся ему туговато, так как, гоня лодыря, здесь долго не проживёшь».

А ведь гонять лодыря по-русски — занятие отнюдь не простое! И тут пора дать слово эмигранту Изгнаннику, который живописал этот процесс во всей его красе в своём рассказе.

ИВАН НИКОЛАЕВИЧ АНТОНОВ

(ПСЕВДОНИМ «ИЗГНАННИК»)

ВО ВРАЖЕСКОМ СТАНЕ

(Рассказ эмигранта)

I.

ВДАЛЁКОЙ АВСТРАЛИИ, НА ОДНОЙ ИЗ ТОРГОВЫХ УЛИЦ г. Сиднея, стоит высокое неуклюжее здание. От постоянно носившейся вокруг этого дома пыли, стены его приняли грязно-серый, как бы затушёванный вид; на стенах едва заметными пятнами рисовались слепые, никогда не открывавшиеся окна с двойными рамами. Грохот телег, проезжавших мимо с мешками, железом, тряпьем, не доносился в комнаты — так старательно и крепко был сколочен этот человеческий склеп. В склепе этом с утра до вечера сидели измятые жизнью старики и молодые, сильные люди, полные огромной жаждой жизни и воли и... чинили старые, грязные мешки. Из них сыпалась на пол мучная и угольная пыль, которая, прилипая к потным рукам и лицам, делала нас похожими на негров. Вся комната наполнилась извержениями мешков и была почти непроницаема для глаз, а люди превращались в бледные, едва уловимые тени, — словно в бане, в которой плавают густые облака пара.

Хотя сладкозвучный Фет и нашёл, что «художник во всём видит прекрасного след», — но я, как ни напрягал свой ум, никакого прекрасного следа в жизни нашей не мог отыскать, хотя... может быть потому, что я не художник... Владельцем каменного мешка, в котором чинились мешки из брезента, был германский эмигрант, называвший себя мистером Смитом. Этот мистер был огромной, толстой фигурой — с ногами бегемота, с красным, заплывшим лицом, мясо которого, как тина, затянуло и глаза и уши и нос. Только небольшие русые усы да широкий рот выделялись довольно отчётливо, как бы говорили, что то, кому они принадлежат, — есть человек. Мистер Смит был весь поглощён своим делом, и с утра до вечера поминутно появлялся среди нас, чтобы указать, распечь, поторопить нас с работой.

Целый день, не разгибаясь и сердито сплёвывая едкую пыль, вершили мы мешочное обновление, и целый день в угрюмом молчании комнаты со свистом взвизвался лифт — и около нас, как из земли, вырастал мистер Смит и пантерой бросался к зазевавшемуся работнику.

Среди нас, как водится, были и артисты своего дела, которых мистер Смит ставил в пример другим и которые чинили в день по сто пятидесять мешков, и были менее даровитые, могущие возвращать к жизни не более ста мешков.

Публикация рассказа «Во вражеском стане»

ВО ВРАЖЕСКОМЪ СТАНѢ.

(Рассказъ эмигранта).

Въ далекой Австралиі, на одной изъ торговыхъ улицъ г. Сиднея, стоитъ высокое, неуклюжее зданіе.

Отъ постоянно носившейся вокругъ этого дома пыли, стѣны его приняли грязно-серый, какъ-бы затушеванный видъ; на стѣнахъ едва замѣтными пятнами рисовались слѣпыя, никогда не открывавшіяся окна съ двойными рамами.

Грохоть телегъ, проезжавшихъ мимо съ мѣшками, желѣзомъ, тряпьемъ, не доносился въ комнаты — такъ старательно и крѣпко былъ сколоченъ этотъ человѣческій склепъ.

Въ склепѣ этомъ съ утра до вечера сидѣли измятые жизнью старики, и молодые и сильные люди, полные огромной жаждой жизни и воли и... чинили старые, грязные мѣшки. Изъ нихъ сыпалась на-поль мучная и угольная пыль, которая, прилипая къ потнымъ рукамъ и лицамъ, дѣлала насъ похожими на негровъ.

«Целый день, не разгибаясь и сердито сплёвывая едкую пыль, вершили мы мешочное обновление...» Рисунок сиднейского художника Геннадия Веремеенко

К первой категории принадлежали три угрюмых бородатых человека, весьма серьёзно и «порядочно» относившихся к своим обязанностям, а вторую группу составляли я и мой приятель по лени и голодовке — длинный, с железными мускулами человек, любитель-боксёр по прозвищу Бэби. И в этом крохотном уголке были свои страсти, и люди, как клеймёные, делились на партии.

Мистер Смит был хозяином, что давало ему право кричать на нас и топтать ногами, а мы — работниками, обязанными молчать и подчиняться. Три бородача являли собою тип «партии порядка», — во всём повиновались Смигу, считали его чрезвычайно серьёзным и презрительно косились на нас. Мы с Бэби представляли как бы оппозицию, чинили по сто мешков в день, на крики и топот мистера Смита холодно огрызались, а к делу своему относились с некоторой иронией. Нам всегда казалось странным, что человек рождён в угоду какому-то Смигу и грязным вонючим мешкам; что, вместо солнца, мы смотрим на облезлые стены нашего обиталища, и, вместо животворящих струй чистого австралийского воздуха, мы глотаем едкую, скверную

пыль. Глядя на нашего ментора, мы недоумевали, как может вмещаться такое огромное количество злобы в одном человеке, как можно жить одними мешками и бранью?... И трудно было вообразить, что у этого человека может быть жена, дети, что иногда пухлый, огромный рот его раздвигается в улыбку, а с языка, вместо бранных окриков, слетают мягкие баюкающие слова ласки, или шутки. Человек этот напоминал нам огромного крокодила, лениво и неподвижно лежащего на земле. В его раскрытой пасти, как птицы или мухи, копошились мы, и оставались не раздавленными его зубами только благодаря его лени, или снисходительности... Мистер Смит был искренно убеждён в том, что он является нашим благодетелем, что только его «дело» и забота о нас дают нам возможность существования. Иногда он подходил к обливающимся потом работнику и выхватывал у него мешок. «Я плачу деньги!» — кричал он, и начинал сам чинить дыру, показывая на опыте, до какой виртуозности можно дойти, если любишь дело, которому служишь... Шил он действительно дьявольски быстро. Мы с Бэби в этих случаях делали глупые гримасы удивления, усиленное

начинали махать иголкой, и этим «оппортунизмом» кое-как маскировали свою бездарность в глазах патрона...

II.

БЭБИ И Я УЖЕ ПЯТЫЙ ДЕНЬ ОПЕРИРОВАЛИ с мешками мистера Смита. Необходимость занимать такой пост, обязанность — целые дни купаться в смрадной пыли отвратительного, грязного склепа, и слушать брань хозяина — начинали раздражительно действовать на нервы...

Жизненный анекдот перестал быть забавным, и переходил в нелепый кошмар, который тяготил, и который не мог продолжаться долго. Но временно мы были вынуждены молчать, так как Бэби не скоро ещё получил для себя приличное место, а я, с терпением стойка, ожидал вождя момента, когда хоть одна русская газета оплатит мои статьи, посылаемые с далёкого рубежа. С каким бы восторгом сказали мы "good-bye!" мистеру Смигу, его убийственным мешкам и его средневековому жилищу! Раздражён был и мистер Смит, убедившись в нашем легкомысленном отношении к своей карьере. Волновало его и то, что была суббота, — день расчёта с рабочими.

С раннего утра, заложив руки назад, он, как тигр в клетке, ходил между нашими рядами и зорко следил за нашими движениями. «Партия порядка» сосредоточенно согнулась над работой и искоса взглядывала на хозяина, напрягая все силы, чтобы заслужить его одобрение... Мы с Бэби тоже «прибавили ходу» и мистер Смит, злобно кашлянув около нас, вышел из мастерской. Бэби и я переглянулись.

— Как твоё самочувствие? — спросил я, тыкая концом нитки в ушко иголки.

Мой приятель сердито швырнул зашитый мешок и проговорил многозначительно:

— Сегодня должно что-нибудь произойти...

Я знал характер Бэби, и потому его мысль не нуждалась в пояснении. С чувством знакомого волнения я приподнялся со своего сидения и с приятной позевотой расправил отекавшие члены. В это время с змеиным шипением взвился лифт, и около нас внезапно выросла фигура Смита. Как львица в защиту своих детёнышей, бросился он ко мне, в защиту своих мешков. Он был так злобен, что не мог выразить словами обуревавшего его негодования, и с каким-то диким, защемлённым звуком схватил мешок, сунул его мне в руку, а другой рукой надавил мне на плечо, желая водворить на место. Я устоял против его железной руки, и медленно бросил

мешок в общую кучу. Немец онемел и несколько секунд стоял надо мною, молча и неподвижно. Устало потянувшись и громко вздохнув, я посмотрел в его лицо и сказал мягко: «Скучно, мистер Смит!» Поражённый немец отступил назад, развёл руками и переводил глаза то на меня, то на «партию порядка», как будто призывал её в свидетели этого непонятного, чудовищного явления.

«Пустой человек! Пустой человек!» — с ужасом повторяло это огромное тело и, громко всплеснув руками, сокрушённо качало круглой, гладкой головой. Я прошёлся по логовищу, небрежно закурил папироску, встав против хозяина, признался:

— Надо отдохнуть, мистер Смит, от такой скотской жизни!..

Не успел Смит опомниться, как вскочил Бэби, швырнул в угол мешок и иголку и рявкнул:

— Надо послать тебя ко всем чертям, немецкий окорок!

— Фу! — отозвался «окорок», — ещё пустой человек! Боже мой! Сколько теперь пришёл на землю пустой человек!..

— Я не хочу быть таким полным, как ты! — огрызнулся Бэби, — понимаешь ты это?

Глаза Смита налились кровью. Он страшно сверкнул белками глаз и взвизгнул:

— А я очень хотел, чтобы такой человек пошёл вон мой дом! Поскорее пошёл вон!

— Задыхайся ты в своей проклятой берлоге, грязный мешок! — бросил Бэби и, швырнув ногой табурет, на котором сидел пять дней, направился к выходу.

— Пойдём Джон!

— Мы уходим, мистер Смит! — с иронической учтивостью поклонился я и, взяв шляпы и палки, мы начали спускаться с лестницы.

— Кто видал такой скверный человек? — не мог успокоиться Смит...

— Это не работники, — бросил кто-то из верных слуг немца.

— Глоб-троттеры! — пробасил ещё один голос.

Мы спустились вниз и сели в конторе. Через несколько минут за решёткой кассы появился Смит и, увидев нас, кликнул:

— Вы ещё не ушел?

Я приблизился к кассе и заявил:

— Позвольте, мистер Смит, получить за работу.

— Ваша работа ничего не стоит!

— Вы не правы. Если бы, — медленно отчеканивал я каждое слово, — наша работа не годилась, то вы бы прогнали нас раньше. Кроме того,

вы нас морили пять дней в вашей могиле... Если вы не цените труд, то расплатитесь за это... покушение на убийство!

— Я не слушай шутка. Пожалуйста, идите! — обиженно отвечал мистер Смит.

Бэби не выдержал:

— Ну, ты послушаешь босса! — вскочил он и направился к решётке.

— Я с вами не говорит! — снова вспылил немец, — оставляйте мой дом!

Мы немного помолчали; немец сел за стол и погрузился в рассматривание каких-то бумаг. Было видно, что он прибегает к «стратегии», чтобы нам или ничего не заплатить, или заплатить меньше.

Я мигнул Бэби, и мы отошли в сторону.

— Бэби, не горячись, — начал я, — это бесполезно. Прибегнем к хитрости. Не может быть, чтобы мы не обошли такого дурака!

— All right! — Покорно согласился Бэби, — делай, как знаешь...

План наш был не из сложных. Мы некоторое время шептались и, видя, что Смит следит за нами глазами, делали разбойничьи рожи и упражнялись в таинственных, угрожающих жестах. Затем я прошептал трагически-театральным хрипом, с расчётом быть услышанным Смитом:

— Я нашёл, Бэби, способ... Мы... в одну из ночей подожжём его дом!..

— А-а-а! — Проскрежетал мой друг, вошедший сразу в роль, — это хорошо! Согласен.

— А теперь не будем показывать вида, пойдём!

Бэби метнул зверский взгляд на тяжело-дышавшего немца, и мы с угрюмым видом решительно и твёрдо вышли на улицу...

III

НА НАС РАДОСТНО ПОВЕЯЛО СВЕЖИМ ВОЗДУХОМ СВОБОДЫ. День был ярко-солнечный. По улице тянулись бесконечные обозы с разной кладью, носились флегматичные окрики здоровых извозчиков, двигалась разноцветная фаланга счастливо-обеспеченных мещан, звенели весёлые голоса праздноболтающих женщин.

На земле всё было так же, как и много лет назад. Царил тот же глупый и мучительный порядок, который венчал счастьем предателей и авантюристов и логически необходимо создавал Голгофу для честно мыслящих и заражённых несчастным порывом любви. В печальном шествии веков люди впитывали в себя новые познания; культ грубой силы заменили идеей

права; признали гуманизм необходимым лозунгом культуры, приобщились к величайшему моральному откровению Христа. Но, несмотря на эти духовные завоевания, люди так же, как прежде, жили только тем, что мучили и насиловали друг друга; так же лгали, когда клялись, предавали, когда целовали, душили и распинали, когда молились. Седые века меняли только тряпки людских одежд и истин, но души оставались те же. В огромном капище зла и пороков, в гигантской конюшне пыток и слёз, которая называется миром, всё оставалось по-старому, и весь общественный строй был похож на механический календарь, остов которого остаётся прежним, а меняются в своё время только числа и события...

— Ну, что мы теперь будем делать? — спросил Бэби, недовольный сутолокой и грохотом улицы.

— Подумаем...

Мы прошли несколько кварталов, довольно быстро обдумали свои дальнейшие шаги и через час вернулись в контору мистера Смита. Он по-прежнему сидел за столом и хотя не так злобно, но всё же недружелюбно окинул нас взглядом. Бэби сел на диван, а я подошёл к нашему врагу и начал приготовленную тираду:

— Мистер Смит! Давеча вы и мы погорячились. Это нехорошо. Теперь мы успокоились, надеюсь, что вы сделали то же самое. Расстанемся джентльменами!

Немец силился расширить глаза и смотрел на меня в упор.

— Вам известно, — продолжал я, — что мы, плохо ли, хорошо ли, но всё-таки работали. А нам известно, что у нас ни одной пенни за душой не имеется. А всякий человек болеет, несчастный, склонностью к еде, мистер Смит! Так вот, от вас теперь зависит благополучно разрешить наш конфликт...

— Но я знаю, что вы замышляете против меня нехорошо. Я вас боюсь. Вы — пустой люди!

— Ах, мистер Смит! — воскликнул я. — Вы совершаете две ошибки: верите какой-то скверной сплетне и боитесь пустых людей. Пустой не страшен, сэр. Страшен — полный. Независимо от того, чем он наполнен — глупостью и злобой или величайшими мыслями и чувствами. Вы мало знаете людей, мистер, и очень много занята своими мешками. Поверьте мне, что никаких дурных мыслей у нас нет. Мы хотим получить свой заработок и уйти от вас спокойно и благородно...

— Но... дайте мне думать! — повернулся на стуле немец.

— Занятие почётное,— отвечал я,— пожалуйста. Терпеливо ждём. Надеюсь, мистер, что вы нас позовёте, когда поток ваших мыслей кончится?..

— О, да, конечно; пожалуйста, ожидайте.

Я подсел на скамью к Бэби, и мы стали ожидать, когда мистер Смит переварит такую сложную проблему, какая внезапно и неожиданно встала перед ним. Несколько минут продолжалось молчание. Было слышно, как немец глухо сопит и щёлкает на счётах, да сверху, из skleпа, доносились неясные звуки, печально говоря, что даже там могут жить люди...

Нас брало нетерпение. Немец, видимо, хотел избавиться от нас путём измора. На свете много таких,— музыкантов на чужом благородстве... Тогда мы прибегли к выполнению ещё одной «идеи». Бэби надул щёки и с самым серьёзным видом замычал марш «под двуглавым орлом». Мистер Смит щёлкал на счётах, Бэби мычал, а я с иезуитским восторгом удивлялся:

— Чудная страна — Германия! Только там, Бэби, мог быть написан такой великолепный марш... Поистине, это — страна философов и поэтов!..

— Хорошая страна,— холодно отозвался Бэби и завёл новый марш. Лик немца несколько посветлел, хотя глазки его всё ещё сверкали недоверчиво.

— Проклят тот час, когда я приехал в Австралию! — изливался я перед музыкантствующим Бэби.— И теперь у меня одна мечта — переселиться в Германию... Прекрасная страна!

Счёты мистера Смита смолкли, Бэби искал в памяти нужный репертуар, а я, едва сдерживая душивший смех, дошёл до пафоса:

— Настанет, Бэби, час — когда Германия покорит весь мир! И тогда расцветёт на земле цивилизация, которую несёт немецкий народ... Сила этого народа крепка, как железо, гений его уже витает над человечеством... Великая страна! Великий народ!

Наш стратегический удар попал в цель.

Немец встал и обратился ко мне:

— Это вы правду сказал. Германия — великий страна. Вы хорошо думаете... Я вам имею отдать ваш заработок...

Растроганный немец вручил нам несколько шиллингов, ответил улыбкой на наш галантный поклон и даже проводил почти до двери, снисходительно признаваясь:

— Вы хорошо сказал. Германия берёт весь мир... Немецкий — очень большой народ...

— Жирные свиньи! — Не выдержал Бэби.— И страна ваша — большой свинушник!

Ошеломлённый Смит не сразу нашёлся. Он расширил зрачки и развёл руками. Я не мог более сдерживаться от душившего хохота и покачивался, стоя у двери. Бэби закончил:

— Прощайте, великий человек! Покоряйте весь мир, наполняйте его хрюканьем...

— Вон пошёл! — наконец завопил наш бывший патрон и ринулся на нас. Продолжая хохотать, я выкатился на улицу, а Бэби медленно отступал пред расшвырянувшимся противником и спокойно бросал:

— Счастливо оставаться, расхуdivшийся мешок! До свидания... Цезарь! Желаю вам покорить вселенную!

— Пустой человек! Негодя-яй! — задыхался немец, в бессильной ярости сжимая кулаки.

С громким хохотом мы пошли от двери, а нам вслед неслись неистовые проклятия...

IV

НА ОДНОЙ ИЗ ОКРАИННЫХ УЛИЦ СИДНЕЯ был небольшой «бар», куда мы иногда заходили, чтобы выпить пива или виски. Знакомство с этим баром произошло с некоторой неловкостью для меня, но это обстоятельство послужило источником дружбы. Английские бары не носят громких названий, которыми щеголяют наши увеселительные заведения, а скромно делятся на две категории, из которых одна называется «три пенса», а другая — «шесть пенсов». Это означает, что всё, что бы ни спросил посетитель бара, он получает за эту цену.

Когда, вскоре после прибытия на землю Кука, я зашёл в первый раз в бар, я увидел за буфетом молодую женщину, погружённую в толстую книгу. При виде меня, она поднялась с места и спросила:

— Что угодно?

— Пожалуйста, виски...

Женщина поставила на стойку, загороженную решеткой, бутылку и стаканчик и снова погрузилась в чтение. Я налил стакан и выпил. Подумав немного, я решил рискнуть ещё тремя пенсами и попросил позволения налить новый бокал.

— Пожалуйста,— ответила женщина, но отложила книгу и стала смотреть за мною. Я выпил второй бокал и снова прошёлся по комнате. Женщина следила за мной, сосредоточенно и молча.

— Миссис! Я прошу позволения выпить ещё...

Тогда женщина встала, взяла бутылку и, с удивлением смотря на меня, спросила вежливо:

— А вам с чем угодно виски, — с содовой водой или с лимонадом?

Не поняв, в чём дело, я ответил, что мне решительно всё равно. Тогда женщина наливает в бокал одну пятую часть виски, а остальное наполняет водой. Тут только я сообразил, что виски надо пить в разбавленном виде, и что никакому бару невыгодно двухрублёвую бутылку расценивать по 12 коп. за стакан. Пришлось извиниться за незнание местных обычаев и признаться, что я — иностранец и всего несколько дней, как живу в Австралии.

Женщина очень заинтересовалась мной, когда узнала, что я — русский, мы кое-как разговорились, и вскоре между нами установились добрые приятельские отношения, а бар сделался постоянным местом отдыха небольшой группы живущих в Сиднее соотечественников. Идя навстречу нашим национальным потребностям, миссис Уорд, так звали нашу новую знакомую, поставила в баре два стола и стулья, так как мы совершенно не могли примириться с английской манерой — выпить, стоя у решетки, расплатиться и, не говоря не слова, уйти. В этот русифицированный бар мы и направились с Бэби, после расчёта с мистером Смитом.

V

МИССИС УОРД ВСТРЕТИЛА НАС ДОБРОЙ улыбкой дружеской иронии, поставила нам бутылку «брэнди» и, вздохнув о нашем хроническом грехопадении, углубилась в нескончаемый роман. Мы медленно и молча тянули горечь, иногда обменивались взглядами, и нам обоим страшно хотелось смеяться. Нам казалось, что в жизни бесконечно много глупостей, в особенности, в той жизни, которую вели мы, так что даже трагическое, в конце концов, вызывало смех. И, после нескольких рюмок, не в силах более сдерживаться от только что пережитого, мы вдруг огласили бар дружным, раскатистым хохотом. Долго мы не могли остановить припадка нервного веселья, — и миссис Уорд, оторвавшись от книги, смотрела на нас удивлёнными глазами. Увидев на её лице вопрос, Бэби рассказал ей нашу мешочную эпопею — и к нашему захлебывающемуся хохоту прибавился застенчивый, но искренний смех женщины.

— Джон! — покатывался Бэби. — Пиши стихи про нашего незабвенного мистера Смита! Оду,

не иначе как оду... Гнев Ахиллеса воспой! Ха, ха, ха, ха!

Углублённые в составление «оды», мы не заметили, как бутылка была выпита. Пришлось взять другую, и, едва успели мы оказать ей внимание, как в бар вошли, ранее не бывавшие в нём, сотрудники Смита. Они недружелюбно посмотрели на наши весёлые лица и мрачно выпили по кружке пива.

— Господа! — обратился я к ним. — Присаживайтесь к нам, выпьем по обычаю моей родины!

Мешочники, хотя и неохотно, но приняли предложение, сели за соседний стол и взяли виски.

— Вы, смиренные Джоны, чёрт вас дери, на нас не сердитесь! — начал я беседу. — Выпьем! Гуд лак!

Джоны молча чокнулись и выпили.

— А знаете ли вы, джентльмены, почему на свете много зла? — уже заплетающимся языком спросил Бэби.

Джентльмены повернули к нему вопросительные лица.

— Я вам скажу. Потому что... вас много! Да! Вы — источник всего скверного на земле... И сквернее всего то, что вы этого не понимаете...

Джентльмены переглянулись.

— Ну, возьмём хотя бы этого негодяя Смита... Разве он посмел бы...

— Мистер Смит хороший человек! — перебили его мешочники.

— Да чем же он хорош, чёрт возьми? Тем, что ест, пьёт, спит и ругается? Тогда свинья ещё лучше его: она делает то же и не ругается...

— Мистер Смит ругает только тех, кто заслуживает этого! — заметил один из собеседников.

— Заслу-уживает, — протянул Бэби, — да кто давал право этому скоту судить других? Ведь это — идиот... Вы понимаете, — и-ди-от! При нормальном порядке такие экземпляры должны бы быть, как Робинзоны, выселены на какой-нибудь остров, чтобы одним видом своим не отравляли жизнь другим! Ведь это животное ничего дальше своего носа не видит! А впрочем... и вы такие же... дальнороркие!..

Джентльмены заговорили все сразу и громко выразили недовольство отзывом о них...

— Господа! — вмешался я. — Не нужно ссориться. Мы составили компанию, — не будем разрушать её... Выпьем! Бэби, щади самолюбие джентльменов!

— Я им прощаю! — огрызнулся Бэби и, злобно сплюнув, один осушил свой бокал.

— Бэби, ты сбился с тона! — мигнул я своему приятелю.

— All right! — быстро встал он со стула и, налив себе ещё, вышел на середину комнаты и громко произнёс:

— Я пью за великолепнейшего из людей, за олицетворённую добродетель, за героя, за гения — за мистера Смита!

И горящими глазами обвёл всех присутствующих. Миссис Уорд едва сдерживала улыбку, а мешочные джентльмены недоумевающе и нерешительно потянулись к нему со своими стаканами. Все выпили.

— Вы, господа, мало цените своего хозяина. Вы не видите всех его достоинств... Он выше, чем вы думаете. Вот Джон — иностранец, он вернее разглядел этого удивительного человека. Джон! Прочти оду завоевателю!

Бэби грузно опустил на стул. Мы были заметно хмельны, хотелось дурачиться и я, встав в величественную позу, начал декламировать:

*Когда по воле злого рока,
Я бросил русские стишки;
Когда в Австралии далёкой
Я шил британские мешки;
Когда сердитым Провиденьем
Я был оставлен и забыт —
Тогда пленительным видением
Ко мне явился — мистер Смит!*

— Внимание, джентльмены, — будировал² Бэби, — выпьем за мистера Смита!

Все выпили ещё по бокалу. В бар вошли трое новых посетителей и удивлённо посмотрели на необычную картину. Я продолжал:

*Ремни машин стонали глухо,
Тонув в пыли, я шил мешок, —
Вдруг предо мной предстало брюхо
И мясо красных жирных щёк...*

Среди джентльменов произошло нетерпеливое движение. Новые гости, переглянувшись, улыбнулись.

² В Большом толковом словаре русского языка это значение по-прежнему стоит на первом месте, хотя и с пометкой «устарелое». Демонстративно не замечать кого-то, подчеркивая свое недовольство кем-то или чем-то, дуться, сердиться — так определяет словарь наше «будировать». Важное замечание: «будировать» в этом значении используется без дополнения. Он будирует. Она будирует. Они будируют. Не кого-то или что-то, а просто «будируют». Повторю: не знаю никого, кто говорил бы так сейчас! (Прим. автора)

*Какого ждать ещё сюжета?
Приди, о, Муза, и воспой
Сближенье русского поэта
С англо-германскою... свиньёй!..*

— Джентльмены, не смущайтесь! Это выражено иносказательно, — дурил Бэби, — слушайте дальше. Читай, Джон!

*С тех пор, как мысль коснётся взгляда
Хребет согнутый заболит, —
То Мефистофелем из ада
Ко мне взвивался мистер Смит!*

Интерес к нашей комедии возрастал. Мешочники тупо и сердито слушали, посторонние сдерживали смех. Бэби делал миссис Уорд какие-то таинственные знаки, и женщина молчала, закрыв лицо книгой. После нового бокала я продолжал чтение:

*Найдёт ли грустное раздумье,
Мгновенье нитка не визжит, —
Свиреп, как барс, как вихрь безумья,
Ко мне уж мчался мистер Смит!*

— Вы видите, какое впечатление производит эта историческая личность? — не унимался Бэби. Мешочники откашлялись, один из гостей фыркнул.

*Брожу ли с видом я унылым, —
Огнями город весь залит, —
Передо мной с опухшим рылом
Стоит всё время мистер Смит!*

— Выпьем! — кричал Бэби. — Господа, присоединяйтесь к нам. За мистера Смита!

Трое новых джентльменов охотно разделили компанию, а миссис Уорд, одиноко сидя за прилавком, качала головой.

— Дальше, Джон!
— Пою!..

*Не знаю, долго ли я буду
Коптить небес лощёный вид —
Не разлюблю, не позабуду
Тебя, бессмертный мистер Смит!*

— Нельзя забыть! — шумел мой приятель. — Это было бы преступлением, чёрт возьми!

Я скорчил глупо-грустную гримасу и клоунски-нежно закончил «оду»:

*Пусть будут грёзы эфемерней,
Пусть старость мозг оледенит,—
Но и тогда, как свет вечерний,
Сиять мне будет... мистер Смит!*

Я по-актерски раскланялся перед публикой и водворился на своё место. Бэби вопрошительно-насмешливо посмотрел на компанию. Минуту длилось молчание.

— Всё это пустяки,— обиженно изрёк один из мешочников,— этим занимаются те, кто не хочет заниматься делом...

Бэби снова вспылил:

— Каким делом? Мешки зашивать? Да кому нужно такое дело?

— Людям...

— Людям? Не людям, а Смигу нужно это... Только Смигу! Потому, что твоё унижение его обогащает. Пойми ты это...

— Я давно понял.

— Ты давно понял? Тогда пойми другое, господин готтентот, что самое лучшее дело, это — ничего не делать!

— Тьфу,— огрызнулся мешочник,— и зачем только я слушаю этот вздор?

И он злобно поднялся со стула, намереваясь уходить.

— Верно,— засмеялся Бэби,— не слушай! Опасно... Неровен час — поумнеешь... А это... убыточно для мистера Смита!

Посторонние джентльмены, не желая более стесняться, громко рассмеялись. Обиженные компаньоны направились к выходу.

— Идите, мешки, спать,— провожал их Бэби,— да не проспите завтра... А то — мистер Смит рассердится!

— Это не ваше дело! — огрызнулись хором уходящие.

— Как не наше дело? — с невозмутимой grimасой ответил Бэби.— Ведь нам вас... жа-алко!

— Вы не можете жалеть! В вас нет ничего христианского! — уже с порога бросил один мешочник, когда другие вышли на улицу.

— Как нет? — вскочил Бэби.— Чтó вы, возлюбленный брат мой? Я всегда поступаю по-евангельски. А там сказано — блажен, иже скопыт милует...

— Ха, ха, ха, ха! — разразились джентльмены, а мешочник злобно плюнул и, обругав Бэби негодным человеком, громко хлопнул дверью. Долго ещё смеялись наши новые знакомые и долго качала головой над своим бесконечным романом славная миссис Уорд. И только поздно ночью мы с Бэби, уже изрядно охмелевшие,

отвесили по грациозному поклону и устало вышли из бара...

* * *

Так, выпивкой и чтением пародийных виршей на мотивы Пушкина, Блока и Тютчева и закончился первый русский бунт против австралийской эксплуатации. Это, конечно, не совсем та классовая борьба, к которой скоро будет призывать соотечественников большевик Артём, но это тоже очень узнаваемый русский путь нравственного сопротивления. Однако, возвращаясь от литературы к фактам, надо сказать, что в реальной жизни, вероятно, никакого бунта эмигранта Изгнанника и не было, хотя мешочная эпопея была. В июле 1908 года, через несколько дней после прибытия, Домерщикова пишет: «Со мной вместе в одной комнате живёт Изгнанник, которого Ясиновские вытаскивали из Манилы, чувствует он себя великолепно, хотя принуждён был отречься по настоянию М [ада] м Е [синовской] и моим. Сегодня он ходил искать себе места и завтра отправится пробовать работать, шить мешки». Недели две спустя о том же пишет и Ясиновская: «Изгнанник служит неделю, шьёт мешки, получают 10 ш. в неделю... Изгнанника здесь узнать нельзя, мы его снова муштруем. Из ... грязного волосатого Изгнанника вышел приятный элегантный молодой человек с короткими волосами...». Но состричь волосы, которые тот носил а la хиппи грядущих времен, было недостаточно для изменения русской натуры, и уже в августе становится очевидным, что трудовое крещение Изгнанника потерпело поражение — он оказывается в кожно-венерической лечебнице. Причиной, очевидно, было кожное заболевание, вызванное грязью мешков — по части условий труда рассказ Изгнанника вполне соответствовал действительности. Ясиновскую он явно разочаровал: «Я думаю, что ему возможно будет найти через знакомых здесь место в театре... или что другое, он работать не может руками — он очень ленив, охоты работать нет у него совсем».

Но Изгнанник был не так прост, и делал он то, что не успевали делать другие русские иммигранты — создавал летопись русского восприятия Австралии, и именно об этом будет наша следующая история. ■

(Продолжение следует)